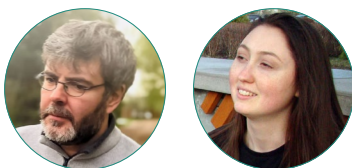

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1805](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805)

Д. Г. Подвойский, А. К. Спиркина

ОБЩЕСТВО В МАСКЕ И ПЕРЧАТКАХ ПОД МИКРОСКОПОМ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г., Спиркина А. К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 315—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>.

For citation:

Podvoyskiy D. G., Spirkina A. K. (2021) “Masked” and “Gloved” Society Under the Microscope of the Sociology of Everyday Life: A Quick Look. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 315–339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>. (In Russ.)

ОБЩЕСТВО В МАСКЕ И ПЕРЧАТКАХ ПОД МИКРОСКОПОМ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

СПИРКИНА Анастасия Константиновна — бакалавр социологии, магистрант кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: spirkina.ak@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2849-6792>

Аннотация. Комплекс разнообразных социальных последствий коронавирусной пандемии, разразившейся в 2020 г., стал темой множества публикаций. В совокупном «дискурсе о коронавирусе», приобретающем планетарный характер, экспертные суждения и оценки дополняются элементами будничной рефлексии миллионов людей. Изменения в сферах труда, образования и досуга, ограничение потоков мобильности населения, переформатирование межличностного общения и социальных коммуникаций, «социальное дистанцирование», ношение средств защиты в публичных местах, введение карантинных мер и режима самоизоляции, галопирующие темпы цифровизации и т. д. и т. п. — все эти и многие другие «подвижки» и «смещения» общественных отношений не остаются незамеченными, стано-

“MASKED” AND “GLOVED” SOCIETY UNDER THE MICROSCOPE OF THE SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE: A QUICK LOOK

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2} — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Leading Researcher*

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

*Anastasiya K. SPIRKINA*¹ — *Bachelor of Sociology, Master's Student at the Department of Sociology*

E-MAIL: spirkina.ak@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2849-6792>

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The complex of various social consequences of the coronavirus pandemic that broke out in 2020 has become the topic of many publications. In the aggregate “discourse on coronavirus” which is becoming planetary, expert judgments and assessments are supplemented with elements of everyday reflection of millions of people. Changes in employment, education and leisure, the restriction of population mobility flows and reformation of interpersonal and social communications, “social distancing”, wearing personal protective equipment in public places, quarantine measures and self-isolation regimes, the galloping pace of digitalization, etc. — all these and many other “shifts” and “displacements” of social relations do not go unnoticed, they become the subject of heated discussions and, in essence, apply to every person. This article, written

вятся предметом бурных дискуссий и касаются, в сущности, каждого человека. В настоящей статье, написанной в жанре научно-публицистического эссе, предпринята попытка взглянуть на обсуждаемый круг проблем через призму теоретико-методологической оптики социологии повседневности. Концептуальный арсенал микросоциологии позволяет анализировать феномены стремительной «перестройки рутин», модификации и трансформации обыденных социальных практик, высвечивая и делая более явной логику процессов «интенсивной пересборки» повседневности, совершающихся на глазах всего человечества под влиянием пандемии коронавируса.

Ключевые слова: пандемия, вирус covid-19, социальные последствия пандемии covid-19, социология повседневности, микросоциология, цифровизация, дистантное образование, самоизоляция, рутинизация, межличностные коммуникации, социальные практики, социальный порядок, анализ фреймов, этнометодология, социальная феноменология

in the genre of scientific and publicistic essay, attempts to look at the discussed range of problems through the theoretical and methodological optics of the sociology of everyday life. The conceptual arsenal of microsociology makes it possible to analyze the phenomena of the rapid “restructuring of routines”, as well as modification and transformation of everyday social practices, highlighting and making more explicit the logic of the process of “intensive reassembling” of everyday life which is taking place in front of all mankind under the influence of the coronavirus pandemic.

Keywords: pandemic, covid-19 virus, social consequences of the covid-19 pandemic, sociology of everyday life, microsociology, digitalization, distance education, self-isolation, routinization, interpersonal communication, social practices, social order, frame analysis, ethnomethodology, social phenomenology

Социология в сезон пандемии: море тем и пищи для ума

Пандемия изменила наш мир. Сегодня эта фраза слышится отовсюду. Будучи изначально фактом биомедицинским, вирус провоцирует множество социальных последствий, в том числе весьма отдаленных и опосредованных, — во всяком случае, выходящих за пределы относительно узкой сферы функционирования медицинских учреждений. «Изменилась» не только жизнь заболевших, выздоровевших и, увы, умерших (люди умирали и раньше!), персонала отрасли здравоохранения, волонтеров и прочих сопричастных групп... Изменилась жизнь всех.

Уже год глобальная сеть буквально разрывается от информационного шума, связанного с коронавирусом. Социальный контекст «бытования» новой болезни обсуждается миллионами людей в разных странах. Чиновники и политики, медийные персоны и блогеры, эксперты и простые люди — всем есть что сказать, чем поделиться. Алармистские ноты в многоголосии интернета и мессенджеров

соседствуют с непрекращающимися шутками, обеспечивающими легкий психотерапевтический эффект.

«Пир во время чумы» первой четверти XXI века набирает обороты. Здесь вспоминается, в частности, карнавал в интерпретации М. Бахтина. Смерть и веселье нередко ходят где-то рядом, смеховая культура любит скользить с акробатическим шестом по лезвию ножа. Уходи, коронавирус! — Мы смеемся над тобой. И параллельно смеемся над собой, поскольку оснований для этого в новой ситуации, в которой все мы оказались, и притом немислимой еще пару лет назад, — возникает множество. Юмористический дискурс в эпоху пандемии, скорее всего, еще станет, если уже не стал, темой для специального (должно быть, весьма увлекательного) междисциплинарного изучения. Эмпирического материала для него вполне достаточно.

Социологи, конечно, тоже не обходят молчанием тему новейшей пандемии и ее последствий. Не только быстрые «сетевые», но и медленные «бумажные» профессиональные социологические издания постепенно осваивают (около)коронавирусную тематическую повестку¹. Студенты-социологи уже активно выступают с сообщениями по указанной проблематике на учебных конференциях и дистантных занятиях, хотя со многими их преподаватели виделись вживую последний раз в феврале 2020 года — когда мир был еще прежним. В общем, свежих сюжетов для обсуждения хватает, и их палитра весьма широка.

Поскольку коронавирус — явление глобальное, возникают резоны для ведения разговоров в жанре макросоциологического прогнозирования. Колоссальные и притом резкие изменения наблюдаются в структурах занятости и сфере труда (миллионы людей остались без средств заработка, столкнулись с необходимостью не просто искать новое место, но и менять сам формат профессиональной деятельности в условиях стремительной реструктуризации многих отраслей и рынков).

Меняется work-life balance. Кто-то с удовлетворением отметит: теперь не нужно тратить время на дорогу до работы, а кто-то пожалуется: зато сидеть у домашнего «электронного станка» приходится почти круглосуточно (причем говорить такое могут одни и те же люди). Дом становится рабочим местом, хотя для этого он не всегда приспособлен. Многие люди не испытывают особого желания смешивать служебную и домашнюю «зоны» социального опыта — ни «психологически», ни темпорально, ни территориально, но... увы, приходится. В таком дистантно-надомном режиме некоторые трудились и раньше — тут многое зависело от личного выбора и характера деятельности. Теперь есть риск, что так будет трудиться большинство, и это уже совсем другое дело.

Ограничения свободных передвижений населения в пространстве в эпоху, провозгласившую мобильность величайшим благом цивилизации, вмиг прервали или приостановили (притом на неопределенное время) множество ставших привычными социальных интеракций. Рестораны и пляжи, отели и музеи опустели, а иные, наоборот, испытывают наплыв, с которым не могут справиться с учетом необходимости исполнения вводимых властями санитарных мер. Изменения траекторий территориальных перемещений людей, закрытие границ, грандиоз-

¹ В настоящей статье мы намеренно воздерживаемся от составления каких бы то ни было — даже приблизительных или выборочных — списков новейших социологических публикаций, затрагивающих тему пандемии COVID-19.

ные вынужденные торможения деятельности в сферах пассажирских перевозок и туризма — все это также заслуживает специального и внимательного изучения.

«Перевод на удаленку» — как взрослых с их служебными делами, так и детей с их учебой — стал испытанием для семейных отношений и организации повседневности домохозяйств. Устоявшиеся бюджеты времени для людей разных поколений, живущих под одной крышей, циклы деловой активности, быта и досуга, и их локализация в пространстве резко перепутались, вызывая множество жестких коллизий. И без того трудный семейный мир современного горожанина получил дополнительный импульс к превращению в *bellum omnium contra omnes* в масштабах одной квартиры. Фраза «пока все дома» как одно из отражений паттерна фамильной идиллии (правда, уже весьма далекого от доминирующих реалий фрагментированного и индивидуализированного общества XXI века) перестала относиться к каким-то конкретным часам. Карантинные меры потребовали от законопослушного населения соблюдения новой максимы: дома должны быть все и всегда. Призыв пользоваться счастливой возможностью «больше времени проводить с близкими», нечаянно дарованной вселенской хворью, должен был, по-видимому, восприниматься многими в последние месяцы не иначе как издевка. А прогулка с собакой, поход в ближайший продуктовый и вынос мусора для ряда категорий индивидов из обременительных повинностей чудесным образом превратились в приятное и желанное времяпрепровождение.

Размышления об особенностях устройства жизни в четырех стенах, даже с окошком в мир в образе светящегося монитора (экранов телевизоров, компьютеров, ноутбуков, смартфонов и т. п.), невольно навевают фукольтианские ассоциации, и рука сама собой тянется к томику «Надзирать и наказывать», или к Воспоминаниям узников Шлиссельбургской крепости. Конечно, «домашнее заточение» человека эпохи нынешней пандемии может показаться игрушечной и гламурной пародией, несопоставимой с механизмами работы «реальной» пенитенциарной системы в прошлом и настоящем. Но при всей условности любых параллелей и сравнений социологическому воображению не следует дремать, когда «в мире такое творится». А если так, то теоретический багаж нашей дисциплины было бы грех не использовать — сегодня, как и в любой другой момент истории.

«Хрупкий, но живучий» социальный порядок, встряски повседневности и перестройки рутин

Одна из троп, ведущих в загадочный новый мир коронавирусной социальности, пролегает через владения социологии повседневности. Данная область даже не у всех социологов в чести, поскольку пытается концептуализировать то, что, мол, и так ясно всем. Как бы то ни было, заинтересованный читатель работ Альфреда Шютца, Ирвинга Гофмана или Гарольда Гарфинкеля ... [etc.], прорывающийся не без потерь через терминологические дебри мудреных социальных феноменологий и драматургий, этнометодологий, фрейм- и конверсационных анализов и ... [etc.], то и дело ловит себя на мысли: а что бы сказали упомянутые авторы, доживи они до весны 2020 г.?

Тут, пожалуй, самое время задать простой, казалось бы, вопрос: а что, собственно, произошло весной 2020 г.?

Некоторые значимые фрагменты повседневного опыта миллиардов людей на планете Земля резко, почти одновременно изменились. Надолго ли? — Кто знает? Можно ли говорить о беспрецедентности самой причины изменения? — Беспрецедентна (в социологическом смысле), скорее, не сама причина (пусть об этом спорят медики), но реакция мирового сообщества на актуализацию нового глобального риска, причем реакция более или менее однонаправленная. Человечество не просто испугалось, оно сочло сложившуюся ситуацию достаточно веской для того, чтобы признать целесообразность и легитимность перестройки некоторых *рутин повседневности*, на которые до сих пор (при обычном течении жизни) никто особо не покушался.

Сейчас мир стал глобальным, раньше он таким не был. Пандемия COVID-19, возможно, — одна из самых масштабных проблем земного шара, переживаемых на текущий момент, но отнюдь не самая страшная. Катастрофы и эпидемии, природные и социальные катаклизмы, войны и революции в истории человечества — вещь не новая. Драматические и трагические события на локальном, региональном, национальном и транснациональном уровнях вмешивались в судьбы людей, сваливались на их головы, как гром среди ясного неба, круто меняли их планы и ожидания (сорванный туристический сезон лета 2020 г. на общем фоне бедствий, когда-либо происходивших со странами и народами, кажется сущим пустяком).

Но жизнь идет своим чередом и в эпохи лихолетий: люди спят, едят, дарят друг другу подарки, женятся, занимаются сексом, рожают детей, отмечают праздники — даже когда за окном война («война войной, а обед по расписанию»). Черная смерть вносила определенные коррективы в социальные ритмы и обыкновения жителей Старого Света середины XIV века, что не мешало в то же время современникам героев Декамерона влюбляться, плести интриги, торговать, сплетничать и кокетничать, шутить, исполнять гигиенические процедуры и молиться (последним двум пунктам они, вероятно, в годы разгула чумы уделяли большее внимание, ревностнее, чем обычно, заботясь о чистоте тела и души, — хотя это только предположение). Короче говоря, организованная повседневность всегда так или иначе (в более или менее модифицированном виде) выстраивалась и во времена, изобиловавшие экстремальными событиями.

Повторим еще раз вопрос, сделав шаг вперед: что значит — произошли изменения обыденного опыта? Тут следовало бы добавить: здесь мы говорим не столько о модификации формальных структур повседневности как таковых, сколько об их содержательном наполнении, которое всегда неизбежно изменяется вслед за перманентно текущ/(щ)им потоком социальных интеракций. Вернее, говоря на манер Г. Зиммеля, формы и материя обобществления претерпевают реконструкции во времени, взаимно обуславливая друг друга.

Социальный порядок немислим без правил, значительная часть которых представлена обычно в «архивированном» виде. Адресация к нашим архивам опыта происходит постоянно, и без особого напряжения и усилий, потому что знание, «как поступать в конкретной, но при этом типической ситуации», глубоко интернализовано и воспроизводится на поведенческом уровне в рутинизированных операциях, совершаемых по тысяче раз на дню.

Когда рутины изменяются медленно (а они так или иначе изменяются), мы этого не замечаем. Но иногда происходит что-то такое, что выводит социальную жизнь из равновесия, и это заставляет людей резко обновлять свои повседневные репертуары взаимодействий с природными и социальными объектами. Это как взрослому, сложившемуся человеку в один прекрасный момент узнать, что он до сих пор ходил, писал, читал, ел, разговаривал... как-то неправильно, и что надо учиться все это делать заново, «по-другому».

Понятия культурного шока и культурной травмы придуманы для описания подобных трансформаций, однако они могут касаться разных слоев социального опыта. Когда в лихие 1990-е Россия училась жить по новым правилам, которые возникали как бы из ниоткуда, но быстро конституировались, это было для многих и шоком, и травмой. Наблюдалась стремительная и масштабная мутация жизненных установок, паттернов и ценностных ориентаций. Пример текущей пандемии несколько иной: новые реалии требуют от людей не какой-то «переоценки ценностей», но, скорее, диктуют необходимость осваивать новые способы и навыки контакта с нашим привычным предметным и общественным окружением, то есть перестраивают не столько терминальное, сколько инструментальное измерение жизни (хотя эти пласты опыта, безусловно, связаны). Трудно сказать, что сделать проще: переквалифицироваться из инженера в «челнока» с клетчатой сумкой в обнимку, или вместить весь универсум природы и общества в миниатюрные масштабы собственной квартиры (если ты не прикованный к постели инвалид и не находящийся под домашним арестом лидер оппозиции или опальный театральный режиссер, ибо их случаи особенные)?

Пандемия 2020 г. стала не просто вызовом для социологии повседневности. В некотором роде она оказала последней определенную услугу, продемонстрировав, как легко и просто обнажаются сокрытые от замыленного взгляда подпорки социального порядка, когда привычный мир летит в тартарары. И никакие специальные эксперименты по раскачиванию социальной лодки на микроуровне (наподобие гарфинкелевских) проводить уже не требуется. Вирус уже все сделал сам. Социологам же нужно ловить момент, внимательно наблюдая за происходящим, и делать свои выводы.

Когда рутины рушатся, люди это мгновенно ощущают. За растерянностью, «впадением в ступор» следуют попытки сориентироваться в новых условиях и приспособиться к меняющемуся контексту жизни. Пандемия заставила мир встрепенуться. Такая планетарная встряска обернулась частичной дерутинизацией многих социальных практик. Но поскольку без относительно предсказуемых исходов интеракции и координированных и организованных форм общество обходиться не может, «аномическая» пустота начинает быстро заполняться. Свято место пусто не бывает. Иначе говоря, включаются механизмы кристаллизации новых практик, имеющих шанс стать маркерами новых будней для людей. Поэтому всякая подобная перестройка или реконфигурация отношений лишней раз подтверждает, что социальный порядок как некое трудноуловимое агрегатное состояние «общественного вещества» или «ткани обобществления» является хрупким и живучим одновременно. Повседневность, еще не успев толком сломаться, уже начинает восстанавливаться, пускай и в видоизмененных композициях. Или, выражаясь

иначе: даже если формы социального порядка бывают относительно подвижными (хотя и не всегда), сам порядок обычно является исключительно прочным.

Стоит лишь чуть-чуть вмешаться в привычные логики социальных интеракций, как мир начинает играть новыми и весьма причудливыми красками. Обычное уже не кажется столь обычным. А необычное, еще вчера — из ряда вон выходящее, обогащает багаж «нормальных» практик. В период весеннего московского карантина посещение супермаркета в шаговой доступности от дома перестало восприниматься чувствительными к изменениям повседневности гражданами как ничем не примечательное событие. Поход в магазин превратился для них в настоящее «приключение»: там ведь *живые люди*², они ходят, они рядом, они дышат, ты можешь даже поймать их живой взгляд, они такие прекрасные и такие опасные одновременно. В это же самое время несанкционированная прогулка по улицам города могла восприниматься как рискованная и дерзкая, почти партизанская вылазка, которую лучше всего осуществлять под покровом ночи. И наоборот, стремление обходить случайного встречного за три версты (там, где это технически возможно) перестает быть проявлением маргинальной поведенческой странности и может становиться для кого-то элементом стандартной пешеходной навигации. Так теперь правильно, лучше перестраховаться. Если от вас шарахаются, когда вы кашляете, обижаться и недоумевать не стоит...

Дистант и уход в цифру: новые коммуникации и практики

Когда (даже мощное) «возмущение» в структурах повседневности носит кратковременный характер, оно вполне может быть обратимым. Это тот случай, про который говорят: все еще можно отыграть назад. Комендантские часы и прочие ограничения отменяются, а люди толпами высыпают на улицы, радуясь вновь обретенной свободе. Войны и эпидемии тоже рано или поздно заканчиваются. Вернется ли все на круги своя, когда пандемия прекратится? Вероятно, нет.

Уже около года сотни экспертов всех мастей со всех сторон твердят: мир после завершения пандемии никогда не станет прежним — таким, каким он был до нее. В связи с этим указывается на множество тенденций, которым разгулявшийся по планете вирус дал дополнительный импульс.

Понятно, речь здесь идет, прежде всего, о пресловутой цифровизации и якобы окончательном и бесповоротном «удвоении» или покорении мира в электронной реальности дистанционных технологий. Как говорится, тушите свет... но держите свои девайсы на подзарядке. На улицу вам больше выходить не придется, если вы, конечно, не работник доставки. Не придется, даже не потому что запрещено (как многим в этом году), а потому что нет особой надобности и желания: ваша новая вселенная (деловая, коммерческая, развлекательная, образовательно-познавательная, интимная...) — это мир вашего гаджета. Чего нет там, того нет и на всем белом свете³. А все, что есть на белом свете, мало-мальски заслужи-

² Раньше они, конечно, там тоже были, но их особо никто не замечал.

³ В давние времена корпоративно-цеховое высокомерие «крючкотворов» разных мастей (юристов, архивариусов, библиотекарей, делопроизводителей, и т. п.) схватывалось аналогичной формулой: «чего нет в документах/записях/архивах... того нет на свете». Сегодня эта старая история воспроизводится на новый лад: «кого нет в интернете, социальных сетях... того не существует в природе», и т. д. и т. п. Живая реальность *во плоти и духе*, кажется, уже никого не интересует — она поработана, колонизирована собственными виртуальными симулякрами.

вающее внимания и интереса, обязательно найдется в каком-нибудь из отсеков «реальности», вход в которую находится на светящейся сенсорной панели той коробочки, что лежит у вас около кровати на тумбочке и сосет электричество. Так зачем же далеко ходить (если все так просто и рядом)? Как пела полузабытая сегодня группа «Технология», «Нажми на кнопку — получишь результат, и твоя мечта осуществится. Нажми на кнопку, — ну что же ты не рад? Тебе больше не к чему стремиться».

Коробочку, конечно, можно взять и с собой — «на выход», «за пределы жилища-микросмоса». Хотя, в сущности, истинным «домом»/«лежбищем»/«норой»/«портом приписки» для цифрового человека становится именно мобильное электронное устройство. А все его возможные местоположения и локации, перемещения и передвижения оказываются эпифеноменальными, отходя на второй или третий план. Главное, чтобы моя цифровая вселенная была под боком и всегда доступна...

Диагностика и критика процессов галопирующей цифровизации также не является нашей основной задачей. Однако справедливости ради стоит заметить: добровольно-принудительная подсадка общества на цифровую иглу, как и связанное с ней распространение разнообразных «удаленных» форм социальных взаимодействий в публичной и частной жизни, в сферах труда и досуга, и т. д. и т. п., стартовали отнюдь не в 2020 г. В этом смысле коронавирус и цифровизация — лишь случайные попутчики, правда, сразу же проникшиеся друг к другу искренней симпатией. Такая вот счастливая случайность или любовь с первого взгляда!

Можно даже сказать, что коронавирус стал удачной находкой для цифровизации, игрушкой в ее «добрых костлявых руках», своего рода «экстремальной страшилкой» для непокорных старомодных поклонников додиджитальных практик. Цифровизация во внезапно подкативший сезон пандемии уже больше никого не уговаривает, не упрашивает сладким, заискивающим голосом — попробуйте наш новый сервис (интерфейс, программу), посмотрите — как удобно! Она приказывает, ставит перед выбором — либо срочно диджитализируйтесь, либо вымирайте (потому что «без цифры» вы теперь не сделаете ни шагу). Вот так «ненавязчиво» современные технологии приходят на помощь людям, оказавшимся под замком в собственных домах и квартирах...

И все же вернемся к центральному нашему предмету — реструктурированию повседневности в условиях пандемии.

Разумеется, изменились многие практики, включая коммуникативные, причем резко и одновременно для большого количества людей. Классическая маклюэновская формула «the medium is the message» по-прежнему хорошо работает. Способ передачи информации, в том числе технически опосредованный, сам по себе определяет механизмы, границы и возможности интеракций и коммуникационных потоков.

Так, пресловутый «дистант» появился отнюдь не вчера. Письмо, написанное от руки, брошенное в почтовый ящик и полученное адресатом через месяц, тоже было особой формой «дистанта». Другой подобной формой со своей спецификой являются телефонные разговоры (причем построение телефонных бесед, несомненно, изменилось при переходе от стационарной к мобильной версии телефонного аппарата). В этом же ряду находятся электронные письма, сообщения,

переданные на пейджер (помнится, были и такие!), смс-сообщения и общение с помощью разнообразных мессенджеров, использующие текстовые, аудио- и видео-форматы или их комбинации. Когда люди пересели с лошадей на автомобили, в их жизни тоже что-то изменилось, и не только скорость передвижения.

При принудительном переходе на дистант в условиях пандемии в очередной раз заявляет о себе тема дефицита «живого человеческого общения». Однако не стоит забывать: взаимодействие лицом к лицу в условиях физического соприсутствия, в сущности, тоже никогда не было совершенно свободным, и везде и всюду от чего-то зависело и чем-то ограничивалось: гендером, возрастом участников, их статусными характеристиками, особенностями ситуации и т. п. Повседневное общение разных типов — например, светские беседы, диалоги и дебаты, откровения с глазу на глаз, излияния души, шептания на ушко, и т. д. и т. п. при всех возможных вольностях, — могло быть в высокой степени нормировано и даже ритуализировано. Не всегда как протокол общения с английской королевой, но все же: за руку девушку не возьми, этих вопросов не задавай, эти темы не поднимай, эти позы недопустимы или предосудительны, и т. п.

Специальный сюжет — пути достижения условной иллюзии соприсутствия, недостаток которого является отличительной особенностью форм дистантного общения, когда нельзя отметить про себя: *но я же видел ее глаза, и они мне что-то сказали!* Запах духов от письма с любовным признанием, дрожащий почерк, слеза, упавшая на край листа (возможно, «поддельная», но замеченная внимательным адресатом), многозначительные паузы, молчание в структуре телефонных бесед (вздыхать или дышать в трубку) — эти и многие другие способы помогали людям преодолевать «несовершенство» доступных им медиаформатов, которые, как и иные категории социальных фактов, «ограничивали и открывали новые возможности одновременно».

Чем отличается виртуальный секс или секс по телефону от «обычного» (контактного)? Чем отличаются «очные» алкогольные посиделки от выпивки по скайпу (что делать, если технически не получается звонко чокаться или подливать дамам в опустевшие бокалы)? В любом случае один «фрейм» приходит на смену другому «фрейму», при этом что-то всегда утрачивается, а что-то, наоборот, приобретается.

Однако, когда происходит переход/переключение, актер обычно напрягается, удивляется, раздражается, опускает руки, веселится, дерутинизируя свой социально-кухонный опыт, — как старый (уходящий), так и новый (осваиваемый с легкостью или с трудом). А бытовой народный юмор как побочный продукт работы коллективного сознания или специфическая разновидность обыденной социальной рефлексии помогает людям в ситуациях стремительной ре-формации и де-формации (резких перестроек) повседневности мало-помалу справляться с превратностями их совместного существования: люди в намордниках, выгуливающие собак без намордников; вернулись с мужем домой из магазина, сняли маски — а муж не мой, и т. д., и т. п.

Перевод многих видов деятельности «на удаленку» приводит к рефреймированию целого комплекса практик, которые до начала пандемии разворачивались по преимуществу в режиме непосредственного телесного соприсутствия — в аудитории, офисе, клубе, кафе... Для преподавателя, модератора беседы или руководи-

теля, ведущего совещание, возможности «естественного» контроля-мониторинга происходящих в процессе текущей коммуникации событий существенно ограничиваются. В ходе дистантных процедур общения при отключенных камерах лишь одному богу известно, что там творится «на другом конце провода», в иной точке входа в виртуальную вселенную.

Первые же недели после введения удаленного формата в образовательной деятельности произвели море различных наблюдений (и «баек») участников подобных взаимодействий: теперь, оказывается, можно вести занятие даже при включенной камере, будучи одетым только наполовину (как говорится, «без портков, но в шляпе»), делать тысячу дел параллельно с «номинальным» участием в совещании, сочетать и наслаивать то, что в формате физического соприсутствия было делать трудно⁴ или просто невозможно. Новые технические ресурсы и платформы быстро осваиваются акторами на необходимом и достаточном уровне в целях удобства и соблюдения приличий, в результате чего всевозможные конфузы и шансы потери лица оказываются эмпирически минимизированными, хотя и не исключенными полностью.

Собственно, взаимодействие лицом к лицу в условиях телесного соприсутствия также всегда было и остается трудным процессом, допускающим возникновение множества осечек и проколов, — когда тактичность «аудитории» (в гофмановском смысле), наблюдающей за чьим-то перформансом (индивидуальным или командным «исполнением»), оберегает участников интеракции от распада разыгрываемого ими и основанного на принципах ситуативной уместности⁵ нормированно-фреймированного сценического представления [Гофман, 2000]. Не обязательно сообщать партнеру, что у него «ус отклеилась», можно просто закрыть на это глаза в расчете на то, что он сам исправится (если такие проколы возникают лишь эпизодически, а не регулярно). То же и в дистанте: вовремя не отключенный микрофон, способный предательски выдавать и обнажать наслоения ранее четко физически разделен-

Автор: Андрей Попов

⁴ В связи с этим вспоминается умение или почти искусство «спать (быстрым/оперативным сном) на совещаниях», — классический бюрократический навык, уходящий корнями, как минимум, в советскую эпоху; умение некоторых российских женщин недавнего прошлого ловко и незаметно для постороннего взгляда вязать под столом — в аудиториях, конторах, при исполнении служебных обязанностей, и т. д.

⁵ Кстати, эмпирических вопросов «ситуативной уместности» поведения и форм самопрезентации в новых условиях дистантной коммуникации возникает множество: нужно ли наводить марафет, делать макияж перед подключением камеры, обустроить определенный образ «домашний реквизит», доступный глазу удаленных реципиентов визуальной информации, можно ли появляться в камере перед взором коллег, однокурсников, руководства в пижаме типа «зайка», с виснувшими на шее и ноющими детьми или ходящими по клавиатуре котами, и т. п.? Мгновенно многие люди не сориентировались, но процессы образования правил (в том числе неписаных ситуативно обусловленных «норм приличия»), тем не менее, были довольно быстро запущены и дали свои первые плоды. Но эта «свежая по своему текущему/конкретному наполнению» тема требует, конечно, специального полевого изучения.

ных фрагментов повседневности, становится каналом утечек информации и всевозможных шероховатостей процессов интеракции: мать кричит дочери-студентке из другой комнаты: «А ты салат будешь?» Проголодавшийся лектор на другом конце коммуникационной трубы отвечает: «Конечно, буду!»

Разумеется, можно себе представить куда более пикантные или невинные, компрометирующие акторов вторжения в ход процесса взаимодействия. Так, на начальных этапах внедрения дистанта для участников некоего «дискурсивно приличного» мероприятия услышать тирады пятиэтажного мата, адресованного «не по тому каналу» (или иные фрагменты небезобидных «закулисных» разговоров), было вполне реальным. Люди быстро учатся на своих ошибках, а пока аудитория просто вежливо молчит (ухмыляясь про себя — вот это палево!) и способна войти в ваше положение. В крайнем случае озвучивается просьба: коллеги, отключайте, пожалуйста, микрофоны, чтобы не создавать лишних шумов... Все же — люди, все всё понимают, но всё равно смешно...

Она была под маскою...

Не менее перспективная тема для изучения — практики ношения масок в обществах, где традиция *за/при-*крывать лицо при взаимодействии в общедоступных публичных местах не была ранее укоренена. Норберт Элиас справедливо указывал на то, что именно человеческое лицо на протяжении веков в большинстве культур было и оставалось своего рода персональным профилем, дисплеем, визуально воспринимаемым физическим фокусом, средоточием, отражением, отпечатком... уникальности и неповторимости личности, маркером ее идентичности, тем, что отличает в конечном счете при всех возможных сходствах каждого конкретного индивида от миллионов других. «Лицо больше, чем какая-нибудь другая часть тела, подобно вывеске, представляет индивида» [Элиас, 2001: 271]⁶.

Мы носим (и являем другим) наше собственное лицо как предельную и бескомпромиссную манифестацию нашей Особости. Когда нас этой возможности лишают, мы не обязательно чувствуем себя уязвленными (поскольку мера «индивидуализма» в разных культурах и социальных средах может быть разной), но, во всяком случае, утрачиваем один из важных и привычных способов презентации себя миру и людям вокруг.

Легко приходящие на ум исключения здесь лишь подтверждают правило — мусульманские женщины, носящие паранджу или никаб, рыцари в шлемах с забралами, участники венецианского карнавала, ликвидаторы техногенных аварий или работающие по долгу службы с токсичными веществами в противогазах и респираторах, водолазы и космонавты в агрессивной среде, жители ряда

⁶ Или более развернуто и точно: «Так, если разговор заходит о человеческом теле, то обычно не замечают, что голова человека, и в особенности его лицо, образуют интегральную часть его тела. Но как только это осознают, начинают лучше понимать природу человеческой Я-идентичности. Ибо развивающееся индивидуальное лицо ... играет одну из главных, может быть, даже самую главную роль в идентификации определенного человека. Хотя особенный облик других частей тела, конечно же, тоже имеет значение для идентификации отдельного человека как данной личности, но все-таки для сознания других людей и для сознания самого человека ни одна из частей тела, за исключением лица, не образует столь явного центра его Я-идентичности... Люди — это единственный известный вид живых существ, обладающий такой частью тела, как лицо, способной принимать столь индивидуально различные выражения, что посредством нее сотни индивидов в течение длительного времени, а зачастую и всей жизни могут идентифицироваться как таковые, отличные от других» [Элиас, 2001: 262—263, 267].

стран Юго-Восточной Азии, особенно в крупных городах, террористы и грабители банков, мотоциклисты, наконец, врачи и посетители подразделений медицинских учреждений, требующих соблюдения норм повышенной стерильности, имеют (или имели) специфический опыт сокрытия лица, не распространяющийся, правда, на всю совокупность жизненных ситуаций и столкновений с партнерами по взаимодействию.

Сегодня этот опыт как регулярная практика становится доступным и даже навязанным людям, которые раньше его не имели. Какие чувства они при этом испытывают и какие приемы используют, когда ношение маски начинает им досаждать (независимо от того, боятся ли они подцепить коронавирус, опасаются ли официальных санкций за ненахождение маски, верят или нет в то, что маска может их от чего-то защитить, и т. п.)?

Несомненно, по крайней мере, одно: люди в масках предельно анонимизированы, поскольку главное свидетельство своей уникальности они вынуждены скрывать от глаз окружающих (которые в больших городах современности и так не сильно заинтересованы в том, чтобы узнать своих «соседей» поближе). Однако столь же естественное желание выделяться из толпы, «демонстрировать свое лицо» (светить лицом, выставлять его напоказ, на всеобщее обозрение) по-прежнему сопровождает человека «по жизни».

С другой стороны, стремление к сохранению визуального инкогнито в публичных пространствах (на улицах, в транспорте, и т. п.), возникающее у отдельных индивидов под влиянием разных причин и мотивов, теперь может быть гораздо проще реализовано, и притом на «легитимных» основаниях: не надо заворачивать лицо в шарф, меньше поводов спровоцировать «нездоровый» интерес и назойливость со стороны незнакомцев (на полузакрытое лицо «будут меньше пялиться»; «чтобы не лезли всякие там, кого не просят»; «улитка — в домике»), и т. п. В этом смысле маска способна дополнительно поддерживать и укреплять типичный для урбанистического стиля жизни интерактивный режим «гражданского невнимания».

В некоторых социально-интерактивных контекстах ношение маски, кажется, даже подрывает саму ауру мероприятия — как в случае светских вечеринок, посещения театров и концертных залов, ресторанов и т. д.⁷ Тем не менее и здесь вы — проявляя гражданскую сознательность или под давлением внешнего принуждения, — должны надевать на «самую важную» или «социально и коммуникативно значимую» часть своей головы этот странный предмет, который к тому же вас, мягко говоря, не украшает. А находитесь вы в данный момент отнюдь не в специализированном учреждении здравоохранения, где вопросы «красоты» и «представления себя другим» могут и должны отходить на второй план (хотя и не исчезать полностью). Вечернее платье на теле и медицинская маска на лице (принципиально отличающаяся по заключенному в ней «месседжу» от маски карнавальная) порождают удивительное и парадоксальное сочетание образов⁸ — примету ко-

⁷ Опять же, случаи костюмированных маскарадов как особого рода социальных игр с особыми правилами надо рассматривать отдельно.

⁸ Ощущение «противоречивости» подобного образа посетительница одного из московских музыкальных представлений декабря 2020 г. (дама средних лет) выразила в следующем совете, адресованном ее спутницам помоложе: «Девочки, сейчас не то время, чтобы наряжаться!». Тем не менее многие «по инерции» продолжают наряжаться, правда, вынужденно прикрывая лицо отнюдь не веером и не вуалью.

роткого и весьма нестандартного театрального сезона 2020 г. В новых условиях «подходящим» аксессуаром к парадно-нарядному дресс-коду «на выход» становится противогаз облегченной конструкции...

Когда стало понятно, что пандемия затянулась надолго, а эффективность ношения масок обществом была поставлена под сомнение, в ход пошли декоративные дизайнерские маски, украшенные стразами и смешными надписями, они были призваны симулировать обязательное ношение масок, за отсутствие которых в публичных местах полагались штрафы. Благодаря им отдельные светские мероприятия в столице стали напоминать карнавалы шествия.

Смерть под боком, или пандемический гарфинкелинг

Экзистенциальный страх (ужас), или осознание конечности жизни, понимание собственной смертности, или «вообще» и «шире» — взгляд на собственную жизнь «с высоты птичьего полета» — обычно нам не сопутствуют. Хотя мы и понимаем свои «естественные пределы» — все телесные ограничения, включая смертность, — но в повседневной жизни невольно отстраняемся от того, чтобы рассматривать свою жизнь как конечный отрезок или думать о собственной смерти. Короче говоря, обычно никто не живет так, будто это его последний день.

Тем не менее такое «пугающее прозрение» может быть спровоцировано: например, написанием завещания, тяжелой болезнью или событиями, несущими смертельную опасность. То есть всегда это связано не с обыденным опытом, а с исключительным (хотя и необязательно трагичным). Похожая когнитивная перспектива часто открывается перед людьми, склонными думать о своей миссии, высшей цели, призвании. Написание автобиографии или участие в биографическом интервью (если они сопровождаются некоторой рефлексией) тоже может стать достаточным стимулом для такой ментальной настройки.

Наверное, все же осознание близкой смерти действует эффективнее всего. Оно буквально выталкивает сознание из мира социальных игр к экзистенциальному уровню жизни — ее базовому слою. Эта базовая предпосылка жизни представляет собой то «главное знание», которое всеми разделяется, но удивительным образом игнорируется — знание того, что мы все постоянно живем в смертельной

опасности: среди вирусов и болезнетворных бактерий, мчащихся машин, токсичных продуктов питания и прочих падающих на голову кирпичей. Как говаривал известный демонический персонаж, штука в том, что человек не просто смертен, а внезапно смертен. И эта внезапность помогает поддерживать страх смерти, особенно для чувствительных натур, живым и осязаемым.

Надо сказать, что помимо самих себя нам, скорее всего, безразлична судьба, жизнь и здоровье некоторых других людей (и не только людей). В особенности всех тех, кого мы воспринимаем не «типично», а во всей их целостности и уникальности — людей, имеющих с нами какую-то значимую социальную связь и находящихся в некоторой пространственной близости, чаще всего здесь и сейчас и лицом к лицу (обычно их называют «близкими»). Хотя вообще безразличие может распространяться и на людей, воспринимаемых «типично» — голодающих африканских детей, людей, погибших в пожарах или автокатастрофах, или даже на абстрактные объекты — например, родное государство или человечество в целом. Но, как правило, чем дальше объект нашего беспокойства от непосредственного взаимодействия с нами, чем более «анонимно» он воспринимается, тем менее чувство беспокойства похоже на тот «настоящий» экзистенциальный ужас, который направлен на себя.

Итак, мы предпочитаем не думать о собственной болезни и смерти, пока они не приблизятся вплотную. Болезни и смерти других — когнитивно уже совсем другие события, но тоже оставляющие человека более или менее (в зависимости от близости⁹) равнодушным. В период пандемии (по крайней мере, в том виде, в котором нам приходится ее наблюдать сегодня) новой нормой для средств массовой информации стало ежедневное озвучивание статистики смертности. Конечно, СМИ и в «мирное время» регулярно сообщают о происшествиях, особенно массовых и смертельных. Но, во всяком случае, это происходит эпизодически и обычно касается событий, которые уже произошли или происходят где-то далеко. То есть какими бы жуткими они ни были — чаще всего они случаются с «кем-то», а не с нами и не возле нас. Эти обстоятельства помогают увлечь потребителя новостной информации, но мешают ему по-настоящему «испугаться», потому что, как кажется, таким сообщениям немного «недостает реальности».

Может быть, сами по себе подобные сообщения, врезающиеся в рутинную повседневность, способны оказывать какое-то массовое тревожное воздействие. Но пандемия все равно не очень похожа на простую новость о несчастном случае или даже о катастрофе. В отличие от последних, она становится для нас «максимально реальной», потому что устанавливает новые правила в нашей бытовой, почти что «частной», повседневной жизни.

Так что здесь идет речь о «страхе» не как о массовой панике, навязанной СМИ, а как о фундаментальном чувстве, что что-то обычное и привычное вдруг закончилось и началось что-то новое: непонятное, незнакомое, неконтролируемое. Совсем не обязательно при этом действительно чего-то бояться. Диапазон чувств может быть широким. Но важна сама их сила. Потому что меняется не просто

⁹ Здесь лучше было бы сказать: в зависимости от социальной дистанции. Но, к сожалению, новый «карантинный» дискурс почти отнял у нас это изначально социологическое понятие для собственных нужд. Поэтому в данном контексте можно удовлетвориться и обыденным «близость».

когнитивная установка (или отношение к событию) — вынужденно меняется ежедневное поведение. Другими словами, это «новостное сообщение» преступает наше «личное пространство», вторгаясь новым набором правил (взамен старым) в ежедневную рутину: в виде «социальной изоляции», дистанционной работы/учебы, гигиенических изощренностей и прочего.

Г. Гарфинкель в своих «этнометодологических экспериментах» пытался про-вернуть с социальным миром похожий фокус [Гарфинкель, 2007]. Разница лишь в том, что он вводил в естественные обыденные социальные ситуации преднамеренные «лабораторные» переменные, то есть вмешивался в них, нарочно меняя и игнорируя существующие правила (или, лучше сказать, условности) взаимодействия. Гарфинкель заставлял своих студентов торговаться с продавцами за товары, имеющие твердо установленную цену, наблюдая и за реакцией продавца, и за собственными самоощущениями; узнавать, что конкретно друг имел в виду, спрашивая «как дела?», доводя его до открытого раздражения; вести себя как гость в собственном доме, вызывая недоумение и нервозность родителей в попытках найти объяснения происходящему, и тому подобное. Все это было нужно затем, чтобы за искусственно вызванным недоумением обнаружить непроговариваемые нормы повседневной жизни — социальный порядок, который должен был встрепенуться и задрожать под напором этнометодолога.

Однако нам делать все это, в общем-то, необязательно. Социальная жизнь сама себя постоянно разрушает и безо всяких социологов — это в каком-то смысле естественный процесс жизнедеятельности большого организма. Люди сами все время сталкиваются с новыми непонятными ситуациями, бывают обманутыми или просто ошибаются, нарушая локальную социальную организацию. Короче говоря, социальная жизнь и так сама по себе «слишком зыбка и нелепа». Или, как точно подметил Питер Бергер, «стены общества — потемкинские деревни, возведенные над пропастью бытия» [Бергер, 1996: 136]¹⁰. Последние события, связанные с вирусной пандемией, являются этому хорошим примером (хотя это и исключительный случай в том смысле, что подобное происходит относительно редко).

К тому же у стихийных происшествий, эпидемий и катастроф есть одна особенность — банальная, но важная. Мы хорошо знаем, что в нашем мире есть (1) события, связанные с разумностью, целеполаганием и ответственностью, те, за которыми стоит чья-то (добрая или злая) воля, и (2) события природные, физические, бесцельные [Гофман, 2004: 81—100]. Соотносятся ли первые обязательно с деятельностью человека, а вторые — со «слепыми» силами материального мира, зависит от общей системы верований¹¹. И хотя пандемия — это сложное

¹⁰ Место и роль «предельного», экзистенциального опыта (в том числе так называемых пограничных ситуаций) в структурах тотальности повседневной жизни прекрасно охарактеризованы П. Бергером на страницах популярного пропедевтического курса «Приглашение в социологию» (раздел «Общество как драма») [Бергер, 1996: 114—137].

¹¹ Подобное различие является если и не «универсальным», то, во всяком случае, основополагающим для «современной» культуры, формирующейся начиная с эпохи Нового времени. Именно в ней благодаря радикальному противопоставлению «субъект(ивного)» и «объект(ивного)» начал, «духа» и «природы», «психического» и «физического», *res cogitans* и *res extensa* etc стали возможны более или менее автономные описания мира, в котором царят осмысленность, умышленность и телеология, с одной стороны, и мира «естественных» фактов и «механистической» причинности — с другой (даже если признавалось, что эти сферы в нашем эмпирическом опыте наслаиваются друг на друга). В структурах мифологического и религиозного мышления разных типов указанные области не разграничивались столь категорично, но включались в свои специфические мировоззренческие модели и схемы классификации.

комплексное явление, имеющее множество пластов существования, обязательно включающее какие-то политические управленческие решения и меры, в нашей современной «расколдованной» космологии принято считать болезни событиями естественных истоков. То есть они просто возникают, и все — сами по себе. В нашей культурной системе координат болезни нельзя вменить ответственность за понесенный человеком ущерб. Чувство страха и бессилия может возникать как раз потому, что наше восприятие говорит нам, что феномены, с которыми мы сталкиваемся, — стихийные, неуправляемые, движимые только неумолимым естественным законом, а значит, все, что нам остается, — это проявлять осторожность и надеяться, что нас они не коснутся.

Поэтому между экспериментами Гарфинкеля и пандемией как «глобальным экспериментом» есть, конечно, одно принципиальное различие. Да, они разрушают безмятежное рутинное течение социальной жизни. Однако условности научного эксперимента (в сочетании с профессионально-этическими обязательствами) вынуждают исследователя в конце сказать, что «все это был только трюк», то есть вернуть определение ситуации в понятный, логически объяснимый для «подопытного» вид. Пандемия же происходит как естественное событие — за ее появление на сцене и последствия (например, за то, что конкретно вы заболели и потому стали обязаны находиться дома, соблюдая карантин, и быть под технадзором «Социального мониторинга»), по большому счету, никто ни в ответе.

Ясно, что это не единственная возможная (и необязательно верная) точка зрения. Логика другой — например, той, в которой пандемия определяется как событие тайно-умышленное, — составляют вопросы «кто за этим стоит?» и «кому это выгодно?». Действительно, иногда бывает сложно избавиться от чувства, будто все это на самом деле чья-то дурацкая шутка. Фабрикация, или инсценировка (эпидемии, существования вируса) в корыстных целях, связанная с приписыванием «организаторам» всевозможных мотивов (главное, чтобы общая концепция выглядела более или менее убедительной и последовательной, чтобы в нее можно было поверить), — объяснение, которое может звучать гораздо более правдоподобно, когда речь идет о таких исключительных ситуациях, как наша. Просто так и кирпичи ни на кого не падают, и пандемии не разгораются. В эту общую схему вписывается и религиозная версия: жизненное испытание, проверка Богом на прочность или наказание за грехи (это зависит от вероисповедания), и все другие интерпретации, отсылающие к сверхъестественному. В каком-то смысле все это помогает частично снять чувство бессилия, возникающее при столкновении с природными явлениями, о котором говорилось выше.

Но чтобы эти телеологические интерпретации работали, выполняли свою объясняюще-успокаивающую функцию, должна присутствовать большая степень глубокого личного убеждения, что так оно и есть. А этого бывает крайне сложно добиться, если факт инсценировки тщательно скрывается и недоступен никакому непосредственному восприятию. Помимо этого, есть также и какое-то фоновое понимание, что никто «достоверный и надежный» никогда не придет и не скажет, что «действительно все это были только ухищрения авторитарного правительства (или кого угодно другого), Вы были правы». Никогда не удастся получить на этот счет убедительные доказательства (хотя чувствительность к доказательствам и их

убедительности у всех разная). И не только потому, что на самом деле это не так (это как раз в точности не известно), но потому что на то это и тайна.

В общем, можно и во время этнометодологического эксперимента подозревать, что на Вас ставят какой-то странный опыт, но пока экспериментатор не скажет: «А теперь мы расскажем Вам, что только что происходило», — никакой уверенности в этих догадках нет. Конечно, и в эксперименте, и в ситуации «реальной пандемии» важна сама фигура «экспериментатора» и степень его авторитета, то есть того, кто объяснит, как все обстоит «на самом деле». В научном эксперименте такого найти оказывается гораздо проще, чем в жизни. Но постоянно пребывать в экзистенциальной неопределенности в нашем обществе считается для человека не совсем нормально. По крайней мере, это неудобно для его практической жизни. Так что, видимо, все же придется сделать какой-то свой выбор.

И снова о фреймах и рутинах: механизмы пересборки социальности (версия 2020)

Если продолжать пользоваться «эмоциональными» аналогиями, регулярность и рутина получаются в каком-то смысле связаны со скукой, а неопределенность — с беспокойством (то есть с двумя противоположными состояниями), из-за чего им крайне сложно одновременно сосуществовать в одном человеческом сознании. Хотя большинство «нормальных», среднестатистических игроков социальной сцены, по-видимому, предпочли бы скуку жизни на склонах действующего вулкана. Поэтому неизбежно должна происходить рутинизация нового опыта. Пандемия здесь выполняет роль мощного провокатора, пробуждающего «режим опасности», который требует от людей адаптации и реставрации разрушенных социальных рутин (или генерирования новых). Эпизодически возникающие перебои «сердечного ритма» социальной жизни могут оборачиваться разного рода «шоковыми перезагрузками», но в итоге пульс обычно восстанавливается.

Как именно происходит «рутинизация»? Для ответа на подобный вопрос имеет смысл привести в пример кусочек из жизни некоего отдельно взятого человека. Пусть это будет какой-нибудь аноним — N. Выборка событий из общего хаоса «жизненного кусочка» сделана специально для наших познавательных целей. В этом смысле N — не уникальный человек, а наша аналитическая «типизация».

Эпидемия началась примерно в начале года в какой-то далекой стране, где N никогда не был. К марту эпидемия превратилась в пандемию и начала существенно влиять на жизнь N (введен режим «самоизоляции», ношения масок, «удаленки» и т. д.). Теперь N работает из дома, видится с друзьями и родными только по скайпу, а про бассейн, спортивный зал, кино, кафе, торговые центры, куда обычно ходил, вынужденно забывает. Повседневность N обрывает приличным количеством новых правил и условностей. Ему буквально приходится заново учиться совершать такие простые действия, как чихание и кашель, поездки в лифтах и общественном транспорте, передвижение по супермаркету и т. п. Чтобы научиться новым правилам, то, что было знакомым и незамечаемым, должно стать четко контролируемым, осознаваемым.

Но у него есть не только одни «голые правила»: есть, кроме того, неодобрительные взгляды и комментарии прохожих, есть сотрудники полиции, которые могут

и задержать, и оштрафовать, то есть формальные и неформальные санкции (чтобы правила лучше запоминались). Человек N обеспокоен возможностью столкновения с вирусом и неопределенностью собственной жизни. Каждый день он мониторит новости по количеству заболевших в его городе. Идет время, и хотя сложно привыкнуть к жизни взаперти, N постепенно привыкает: переносит свои дела домой и в интернет, чаще моет руки, пользуется антисептиком, чихает в сгиб локтя, перестает протягивать руку для рукопожатия. Выходя из дома, теперь помимо мобильного, ключей и бумажника, он проверяет, с собой ли медицинская маска.

Поначалу N мог забывать каждый раз делать все это или прикладывал какие-то дополнительные умственные усилия, чтобы ничего не забыть. Теперь он просто живет и не занимает «оперативную память» всякой ерундой типа личной гигиены и тонкостей «изоляционных» взаимодействий с людьми (они отошли в нерелективный, обыденный опыт), а просто делает, потому что знает, что делать.

Так прошел какой-то период в жизни N, наполненный какими-то его обычными делами и событиями. Как само собой разумеющиеся в его повседневности теперь присутствуют видеосвязь, маски, перчатки, антисептик и прочие карантинные атрибуты. Так получилось, что они к нему «приросли». Он больше не испытывает какого-то особенного беспокойства, теперь он понимает, как ему со всем этим жить. Случается так, что в один мало примечательный день ему звонят и предлагают принять участие в опросе общественного мнения. Ему задают какие-то вопросы, он выбирает из предложенных вариантов ответа. Потом его спрашивают примерно следующее: «Какие лично Вы применяете меры, чтобы обезопасить себя и своих близких от коронавируса?». И на этот раз не предлагают никаких вариантов. То есть теперь он должен сказать сам. Добропорядочный человек N, выполняющий все, что ему требуется выполнять, попадает в странную ситуацию: он не может ничего вспомнить (в то короткое время, пока интервьюер готов ждать его ответ). После затянувшегося молчания он говорит что-то про маски, избегание зараженных, и вот голос в телефоне уже задает следующий вопрос. Он не смог быстро вспомнить и половину всего нового, что пришло в его жизнь с началом пандемии. И дело, конечно, не в том, что N «просто забывчивый». То же самое могло произойти с кем угодно, и более того, так в общем виде выглядит механизм рутинизации для каждого без исключения человека, живущего в обществе.

Ситуация с опросом в жизни N совершенно случайна. Зато она хорошо демонстрирует, как новые практики и вещи постепенно «врастают» в человека и перестают замечаться, становятся только фоном его повседневности — как собственные руки, которыми мы ежедневно совершаем манипуляции, но «не видим» их.

Все это совсем не означает, что всегда, говоря об индивидуальном опыте и индивидуальном восприятии, мы обязаны отсылать к законам психики. Точнее, необязательно на этом останавливаться. Окончательный диагноз для одного врача может оказаться только симптомом для другого. Или, как говорил доктор Грегори Хаус, «выбрав специалиста, вы выберете свое заболевание». Для социолога самоотверженное людское желание превратить все вокруг себя в «рутину» означает неизбежность производства социального порядка, то есть упорядочивания соци-

альной жизни. Строго говоря, социальный порядок не производится людьми — он уже существует там, куда люди приходят. В то же время действия, которые складываются в правилосообразные, упорядоченные фигуры, совершают («своими руками») именно люди, и люди же этот порядок трансформируют.

Кажется, самая значительная трансформация повседневной жизни произошла в том, что в той или иной степени многим людям пришлось пережить некое подобие домашнего ареста¹² — в виде строгого карантина, если человек был признан заразившимся, или в виде чуть менее строгой профилактической «самоизоляции». Чтобы стать «нежелательным лицом», подлежащим принудительной изоляции, от которого будут шархаться все уведомленные об этом новом статусе, не требуется слишком много условий: нужно просто иметь какие-то симптомы недомогания. Хотя для того, чтобы механизм стигматизации в принципе себя проявил, даже этого уже слишком много — человеку достаточно лишь один раз чихнуть где-нибудь в супермаркете, чтобы поймать на себе презрительные взгляды людей, пытающихся убраться подальше от «опасного Другого».

В период вынужденной самоизоляции нахождение внутри бетонной коробки становится основой жизнедеятельности. Странное дело, но при таком масштабном перенесении социальных практик домой и в интернет мир на экране сделался как будто более настоящим по сравнению с миром за окном, потому что в экранный мир можно «войти» и даже совершить там какие-то реальные действия, а в мир за пределами квартиры выйти стало нельзя. И важно то, что не просто «связь с миром» (как обмен информацией) теперь стала поддерживаться в основном через интернет — многие привычные модели взаимодействия люди постарались адаптировать к интернет-формату.

И. Гофман, как известно, называл такие устойчивые формы взаимодействия «фреймами» [Гофман, 2004]. Для него весь социальный мир представлялся бесконечной чередой этих более или менее замкнутых интеракций, которые можно описать некоторым набором правил и условностей, лежащих в основе внутренней логики построения коммуникации определенного вида. Проще говоря, в зависимости от ситуации наша повседневная жизнь всегда описывается каким-то фреймом. Эти внутренние условности не проговариваются и, возможно, даже не осознаются, но они есть. И социолог может их увидеть. Важно здесь то, какие именно условности меняются и как это переопределяет смысл того, что (люди думают) сейчас происходит.

Мы говорим, что наше обучение «сменило формат» с очного на дистанционный. На самом деле здесь есть «неточность» словоупотребления, спровоцированная правилами нашей грамматики, которая мешает понять, что именно произошло. Ведь «формат» не принадлежит «обучению» как какая-то вещь, чтобы ее можно было просто сменить на другую, как одежду, и подать «то же самое, но в другой

¹² В отличие от настоящего домашнего ареста, этот легитимирован слабее, потому что опирается не на привычный и понятный правовой авторитет в точном смысле, а на тонкую связку права и медицины. Если судебное постановление об аресте, основанное на реальном правонарушении, кажется оправданным, то точно такие же ограничения свободы со стороны здравоохранения могут восприниматься как вероломное вмешательство в частную жизнь (особенно в логике демократического государства). Обычно мы позволяем медицине манипулировать с нами «как с телами» только тогда, когда мы по доброй воле на это согласились, — на основе свободного личного решения, а не принуждения.

обертке». Скорее, онлайн-формат обучения — это нечто совсем иное, что с разной степенью успешности пытается мимикрировать под настоящее обучение, подражать исходному очному образцу. В итоге эта имитация ощущается как «чуть менее реальное», «пластмассовое» обучение. И не сложно понять, почему.

Соприсутствие тел в физическом пространстве у идейных предшественников Гофмана — У. Джемса и А. Шютца — было причиной того, почему «чувственный мир» (он же «мир рабочих операций», или попросту «повседневность») признавался верховной реальностью социальной жизни. Это было так по той банальной причине, что нам не отделаться от существования собственных тел в мире других таких же тел, которые постоянно совершают «рабочие операции» и увлекают нас во взаимодействие с собой. Но дело не только в людях. Мы по своей «человеческой ограниченности» вынуждены без остановки взаимодействовать с материальной здесь-и-сейчас-реальностью окружающей нас обстановки, мебели, источников звука и света, даже находясь на лекции.

К тому же сохранение тела в безопасности, поддержание его жизни и здоровья — это пропуск в другие, «менее реальные» (но необязательно менее субъективно важные) зоны опыта; пропуск, без которого «внутренняя охрана» не сможет разрешить сознанию бродить по фантазийным мирам. Онлайн-образование — это, конечно, не фантазия (и даже не страшный сон), но оно тоже недобирает очков по шкале реальности происходящего по сравнению с «живым» учебным процессом. Дело в том, что на очной лекции/семинаре эта реальность является для нас общей, коллективно разделяемой (мы имеем соприсутствие тел и всего, что на них способно повлиять, а также возможность обмениваться улыбками и взглядами и вообще — распознавать важные невербальные компоненты коммуникации), а на онлайн-занятии — нет.

Если взрослые люди (студенты) еще могут попробовать убедить себя в том, что они получают дистанционное «образование», и сохранить способность обучаться, то школьники, особенно младшие, на это просто не способны в силу возраста. Поддерживать необходимый уровень внимания учеников младшей школы на занятиях по скайпу — задача, которая стремится к невыполнимости, не говоря уже о том, чтобы пытаться таким образом чему-то их научить. Но и у тех, и у других вовлеченность во взаимодействие неизбежно ослабевает, а границы возможного смещаются, расширяются или сокращаются в основном благодаря техническим посредникам между взаимодействующими.

Например, студенту выключенные микрофон и веб-камера позволяют фактически отсутствовать на лекции, при этом находясь на ней формально. В этом смысле возможности нового фрейма будут расширены по сравнению с исходным очным образцом, если студент сам по себе не сильно заинтересован в происходящем (та же самая ситуация может ограничивать возможности для заинтересованного студента). Если очень сильно не хочется идти на пару или принимать в ней какое-либо участие, то можно вполне «законно» сослаться на «технические сложности». Опять же, технические сложности могут действительно возникнуть и помешать обучению.

Дистанционная форма, веб-камеры и микрофоны, как ключи-отмычки, «взламывают» закрытые двери аудиторий, и содержание студенческих разговоров

становится доступно членам их семей, и наоборот — «открываются» закрытые двери квартир, и частная домашняя жизнь студентов и преподавателей просачивается в университетский фрейм. Все это может быть в разных случаях как поводами для шуток и сближения, так и поводами для взаимного непонимания и разобщения. Так или иначе, это наложение друг на друга зон опыта, которые раньше никогда не пересекались, и потому не имеют пока устойчивых, понятных, «серьезных» схем пересечения. Вполне вероятно, что если онлайн-обучение станет регулярной обыденностью, эти схемы рано или поздно себя найдут и станут устойчивыми и даже, может быть, станут «слишком нормальными», чтобы восприниматься критически большинством участников образовательных интеракций. Но в любом случае на эту перестройку должно потребоваться значительное количество времени.

То ли воля, то ли неволя?

Специального рассмотрения¹³ заслуживает феномен избирательного реагирования людей на пандемическую угрозу и вводимые ограничительные меры. В конкретных странах и регионах, в том числе регионах России, в разные месяцы 2020 г. влияние пандемии как своего рода социального факта на образ жизни людей и организацию публичных практик было отнюдь не одинаковым. Разные категории населения весьма несходным образом воспринимают риски, опасности и вынужденные «стеснения», исходящие как от самой болезни, так и от новых форм контроля, с ней связанных.

Опыт последних месяцев свидетельствует, что готовность следовать предписаниям считывалась в поведении отнюдь не только «законопослушно»-конформных пожилых граждан, изрядно запуганных властями и СМИ¹⁴. В любом случае объект слишком изменчив, и за ним довольно трудно угнаться. С другой стороны, реализация стратегии полного или частичного игнорирования ограничений во многих случаях также была налицо, отчетливо проявляясь в определенных ситуациях (особенно когда имели место послабления «режима»), но все же так или иначе уступала под натиском контроля или перетекала в другие локации по мере «закручивания гаек» (смещалась туда, «где можно»).

Ряд типовых картинок «народного быта» и массовых развлечений лета — осени 2020 г. мало отличался от аналогичных — докоронавирусных. Так, в многотысячных (позднесентябрьских) скоплениях пестрой молодежно-романтичестуристической публики, лицезревшей развод питерских мостов, но не имевшей ни малейшего намерения предохраняться и проявлять «благоразумие», «носители масок» (почти исключительно стражи порядка) едва обнаруживались. А столпотворения и живые очереди из желавших протестировать свежий снег склонов Эльбруса (в конце ноября, когда «вторая волна» была уже в разгаре) по концентрации дышащих и чихающих прямо в лицо или в затылок незнакомцам вполне напоминали час-пик в московском метро (единственное отличие — под открытым небом). Опять же — никаких масок! (ни у кого, кроме кассиров, продающих билеты

¹³ Не входящего в число основных задач данной статьи.

¹⁴ Кстати, наблюдаемый сегодня феномен «заботливой дискриминации» пожилых и реакции на таковую самого объекта подобного рода «принудительной социальной опеки» может стать темой для отдельного исследования.

на канатную дорогу). Многие, наверное, помнят, что ситуация второй половины лета (в том числе на курортах, куда отдельные счастливики смогли-таки вырваться) была еще более расслабленной. Означает ли это, что коронавирус можно просто на время «задвинуть куда подальше» — чтоб не мешал радоваться жизни «по старым понятиям и обычкновениям», если очень хочется?..

Социологически весьма показательно, что сам процесс втягивания в масочный режим протекал неровно. Отдельные группы (вернее — индивиды с опознаваемыми социальными характеристиками¹⁵), прежде всего на ранних этапах внедрения новых правил, были ориентированы на игнорирование последних. Хотя позднее, поняв, что «это всерьез и надолго», абсолютное большинство вынуждено было примириться; в результате чего даже скептики и наименее дисциплинированные надели маски. Так, на первый взгляд, поначалу средний московский посетитель магазинов эконом-класса «Пятерочка» был склонен демонстрировать меньший уровень добровольной сознательности в соблюдении противовирусных социальных норм, чем, скажем, средний посетитель «ВкусВилла»¹⁶.

Ситуация, однако, менялась довольно быстро, обычно в сторону относительного выравнивания: частично под влиянием растущей строгости формальной и неформальной клиентской политики конкретных организаций (магазинов и торговых сетей, учреждений по работе с населением, общественного питания, транспорта, авиакомпаний, театров и т. п.). Поведение в самолетах и аэропортах также модифицировалось вслед за усилением контроля над соблюдением эпидемиологических правил. Театры, и так оказавшиеся в критическом положении в сезон пандемии, порой вынуждены переходить от лояльного и терпимого отношения к нарушителям масочного режима (взгляд сквозь пальцы) к жестко санкционирующему. При этом публика¹⁷ в зрительном зале и фойе имеет основания чувствовать себя реальным участником какого-то фантазмагорического собрания — не то «прокаженных», не то «передовиков отрасли химзащиты».

Так или иначе, следует признать, что режимы «пандемической» и «допандемической» повседневности в период с марта 2020 г. повсеместно сосуществовали, сталкивались, пересекались и накладывались друг на друга, образуя многообразные «композиционные сочетания». Эти режимы были представлены в опыте разных людей в разных пропорциях, хотя подвижная граница между данными пластами жизни все же сохранялась и определенным образом воспроизводилась.

Все это требовало и требует от акторов известных усилий по выработке и освоению разнообразных «техник переключения», позволяющих переходить из одной «зоны» (где то-то и то-то запрещено) в другую (где подобных запретов нет) или в третью (где что-то можно, но тайно, пока тот-то и тот-то не видит, камера не записывает, и т. п.). Правда, в большинстве случаев при совершении подобных «переходов» и «переключений» маска должна быть где-то под рукой, наготове — как

¹⁵ Лишь эмпирическое исследование может показать, с какими именно.

¹⁶ Разумеется, это лишь гипотеза, основанная на несистематическом наблюдении.

¹⁷ Заметно помолодевшая в последние месяцы и состоящая теперь главным образом из молодых, «молодящихся» и умело скрывающих свой возраст граждан, поскольку билеты на осенне-зимние столичные спектакли имеют формальное право приобретать и использовать только лица моложе 65 лет.

новый важный элемент ходового (будничного) социального реквизита индивида. В этом смысле ключевая социальная функция маски — не спасти от заражения, но уберечь от (вдруг, резко ставших легитимными) претензий окружающих, готовых захлопнуть перед нашим носом многие из дверей, которые мы привыкли открывать в своей прежней, «докоронавирусной» жизни.

Впрочем, не стоит забывать, что сама по себе многослойность, или многоукладность, обыденной социальной жизни (по крайней мере, в высококодифференцированных обществах) является ее нормальной характеристикой.

Социологам во всем мире приходилось неоднократно констатировать: скорости социальных изменений в обществах XX — первых десятилетий XXI века поистине беспрецедентны. Жизнь каждого нового поколения оказывается наполненной своими, особыми событиями, которые могут переживаться весьма остро и болезненно, как нечто экстраординарное. Так было и раньше. В отдельные моменты прошлого история конкретных регионов и стран могла быть чрезвычайно стремительной, а ее вектор — изломанным. Специфической чертой новейшего периода социальной динамики на этом фоне, пожалуй, является именно «спрессованность» многочисленных изменений в очень небольших отрезках времени (по меркам в среднем объективно удлиняющейся человеческой жизни).

Покой сегодня всем нам только снится. Накопленный с таким трудом (даже можно сказать — вымученный) опыт конкретных поколений «летит ко всем чертям» раньше, чем отыграет похоронный марш... притом гораздо раньше. Социализация минувших десятилетий, сформировавшая «габитус» (навыки, паттерны, знания...) людей даже средних возрастов, может элементарно не работать как средство социальной адаптации актора в настоящем. Что уж тогда говорить о тех, кто еще старше? Медленно ползти в сторону кладбища, как сейчас любят выражаться, возможно, еще рано, но как жить уже завтра — совершенно непонятно.

Рухаются политические режимы, меняются ценностные профили и жизненные уклады миллиардов людей на планете, быстро и кардинально трансформируются гендерные роли. Принципиально перестраивается коммуникационная среда. Многие из социальных трансформаций оказываются обусловленными малопредсказуемой направленностью развития техники. Общество риска, которому уже неоднократно ставились меткие социологические диагнозы, не устает удивлять жителей планеты Земля.

COVID-19 и вызванная им пандемия-20 врываются в жизнь людей, их повседневность и наполняющие ее рутины. Разбросанные ветром перемен предметы приходится в спешном порядке, на скорую руку расставлять по своим местам. Но «вечных» своих мест в эпоху текучей современности уже почти ни для чего нет, а старые способы расстановки далеко не всегда приемлемы в изменившихся условиях. Социологу же остается лишь поражаться той прихотливой и порой диковинной логике, при помощи которой людям-таки удается вновь и вновь обустроить островки порядка в своем турбулентном и полухаотическом жилище, именуемом словом «общество».

Список литературы (References)

Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.

Berger P. L. (1996) *Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Garfinkel H. (2007) *Studies in Ethnomethodology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2004.

Goffman E. (2004) *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. (In Russ.)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Goffman E. (2000) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001.

Elias N. (2001) *Die Gesellschaft der Individuen*. Moscow: Praxis. (In Russ.)